

ИИННОКЕНТИЙ
АННЕНСКИЙ

Annotation

Судьба творческого наследия Иннокентия Анненского — выдающегося русского лирика начала XX века, переводчика, драматурга и критика — сложилась очень неудачно. Его имя известно лишь настоящим знатокам русской поэзии. Книги Анненского, выходившие малыми тиражами, мало переиздававшиеся, стали библиографической редкостью.

- [Иннокентий Анненский](#)
 - [СРЕДИ МИРОВ](#)
 - [ПРИЗРАКИ](#)
 - [В ВАГОНЕ](#)
 - [СМЫЧОК И СТРУНЫ](#)
 - [ТО БЫЛО НА ВАЛЛЕН-КОСКИ](#)
 - [ЛУННАЯ НОЧЬ В ИСХОДЕ ЗИМЫ](#)
 - [ТОСКА ПРИПОМИНАНИЯ](#)
 - [Музыка отдаленной шарманки](#)
 - [ПЕРВЫЙ ФОРТЕПЬЯННЫЙ СОНЕТ](#)
 - [СНЕГ](#)
 - [КУЛАЧИШКА](#)
 - [ГАРМОННЫЕ ВЗДОХИ](#)
 - [ПЕТЕРБУРГ](#)
 - [СТАРЫЕ ЭСТОНКИ](#)
 - [КОНЕЦ ОСЕННЕЙ СКАЗКИ](#)
 - [ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ В АЛЛЕЕ](#)
 - [СЕНТЯБРЬ\[2\]](#)
 - [ЛИСТЫ\[4\]](#)
 - [СВЕЧКА ГАСНЕТ](#)
 - [В ОТКРЫТИЕ ОКНА\[5\]](#)
 - [ПОЭЗИЯ](#)
 - [8\[6\]](#)
 - [У ГРОБА](#)
 - [ДВОЙНИК](#)
 - [КОТОРЫЙ?](#)

- [НА ПОРОГЕ](#)
- [ИДЕАЛ](#)
- [МАЙ\[8\]](#)
- [СОНЕТ\[9\]](#)
- [ХРИЗАНТЕМА](#)
- [НОЯБРЬ\[12\]](#)
- [ВЕТЕР](#)
- [НЕНУЖНЫЕ СТРОФЫ\[15\]](#)
- [В ДОРОГЕ\[17\]](#)
- [ПЕРЕД ЗАКАТОМ](#)
- [ПОД НОВОЙ КРЫШЕЙ](#)
- [ТРАКТИР ЖИЗНИ](#)
- [ТАМ](#)
- [ПОЭЗИЯ](#)
- [ЕЩЕ ОДИН](#)
- [С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ЧАШИ](#)
- [VILLA NAZIONALE\[20\]](#)
- [ОПЯТЬ В ДОРОГЕ\[21\]](#)
- [НА ВОДЕ\[22\]](#)
- [УТРО](#)
- [ВАНЬКА-КЛЮЧНИК В ТЮРЬМЕ\[23\]](#)
- [ДЕКОРАЦИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- o [15](#)
 - o [16](#)
 - o [17](#)
 - o [18](#)
 - o [19](#)
 - o [20](#)
 - o [21](#)
 - o [22](#)
 - o [23](#)
 - o [24](#)
-

Иннокентий Анненский

Стихи

СРЕДИ МИРОВ

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной молю ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1901

Поэзия Серебряного Века. Москва, «Художественная Литература», 1991.

ПРИЗРАКИ

И бродят тени, и молят тени:
«Пусти, пусти!»
От этих лунных осеребрений
Куда ж уйти?

Зеленый призрак куста сирени
Прильнул к окну...
Уйдите, тени, оставьте, тени,
Со мной одну...

Она недвижна, она немая,
С следами слез,
С двумя кистями сиреней мая
В извивах кос...

Но и неслышным я верен теням,
И, как в бреду,
На гравий сада я по ступеням
За ней сойду...

О бледный призрак, скажи скорее
Мои вины,
Покуда стекла на галерее
Еще черны.

Цветы завянут, цветы обманны,
Но я... я — твой!
В тумане холод, в тумане раны

Перед зарей...

Мысль, вооруженная рифмами. изд.2е. Поэтическая антология по истории русского стиха. Составитель В.Е.Холшевников. Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 1967.

В ВАГОНЕ

Довольно дел, довольно слов,
Побудем молча, без улыбок,
Снежит из низких облаков,
А горний свет уныл и зыбок.

В непостижимой им борьбе
Мянутся черные ракиты.
«До завтра, — говорю тебе,
Сегодня мы с тобою квиты».

Хочу, не грезя, не моля,
Пускай безмерно виноватый,
Глядеть на белые поля
Через стекло с налипшей ватой.

А ты красуйся, ты — гори...
Ты уверяй, что ты простила,
Гори полоской той зари,
Вокруг которой все застыло.

Поэзия Серебряного Века. Москва, «Художественная Литература», 1991.

СМЫЧОК И СТРУНЫ

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно-лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто-то взял и кто-то слил их.

«О, как давно! Свкозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звеня, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.

Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил

На черном бархате постели.

Серебряный век русской поэзии. Москва, «Просвещение», 1993.

ТО БЫЛО НА ВАЛЛЕН-КОСКИ

То было на Валлен-Коски.
Шел дождик из дымных туч,
И желтые мокрые доски
Сбегали с печальных круч.

Мы с ночи холодной зевали,
И слезы просились из глаз;
В утешу нам куклу бросали
В то утро в четвертый раз.

Разбухшая кукла ныряла
Послушно в седой водопад,
И долго кружилась сначала
Всё будто рвалася назад.

Но даром лизала pena
Суставы прижатых рук,
Спасенье ее неизменно
Для новых и новых мук.

Гляди, уж поток бурливый
Желтеет, покорен и вял;
Чухонец-то был справедливый,
За дело полтину взял.

И вот уж кукла на камне,
И дальше идет река...
Комедия эта была мне

В то серое утро тяжка.

Бывает такое небо,
Такая игра лучей,
Что сердцу обида куклы
Обиды своей жалчей.

Как листья тогда мы чутки:
Нам камень седой, ожив,
Стал другом, а голос друга,
Как детская скрипка, фальшив.

И в сердце сознанье глубоко,
Что с ним родился только страх,
Что в мире оно одиноко,
Как старая кукла в волнах...

[1909]

Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, «Полифакт», 1995.

ЛУННАЯ НОЧЬ В ИСХОДЕ ЗИМЫ

Мы на полустанке,
Мы забыты ночью,
Тихой лунной ночью,
На лесной полянке...
Бред — или воочью
Мы на полустанке
И забыты ночью?

Далеко зашел ты,
Паровик усталый!
Доски бледно-желты,
Серебристо-желты,
И налип на шпалы
Иней мертвого-талый.
Уж туда ль зашел ты,
Паровик усталый?

Тишина в лунном свете,
Или только греза
Эти тени, эти
Вздохи паровоза
И, осеребренный
Месяцем жемчужным,
Этот длинный, черный
Сторож станционный
С фонарем ненужным
На тени узорной?

Динь-динь-динь — и МИМО,
Мимо грезы этой,
Так невозвратимо,

Так непоправимо
До конца не спетой,
И звенящей где-то
Еле ощутимо.

27 марта 1906, почтовый тракт Вологда — Тотьма

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ТОСКА ПРИПОМИНАНИЯ

Мне всегда открывается та же
Залитая чернилом страница.
Я уйду от людей, но куда же,
От ночей мне куда схорониться?

Все живые так стали далеки,
Все небытое стало так внятно,
И слились позабытые строки
До зари в мутно-черные пятна.

Весь я там в невозможном ответе,
Где миражные буквы маячут...
...Я люблю, когда в доме есть дети
И когда по ночам они плачут.

10 °Стихотворений. 100 Русских Поэтов. Владимир Марков. Упражнение
в отборе. Centifolia Russica. Antologia. Санкт-Петербург: Алетейя, 1997.

Музыка отдаленной шарманки

Падает снег,
Мутный и белый и долгий,
Падает снег,
Заметая дороги,
Засыпая могилы,
Падает снег...
Белые влажные звезды!
Я так люблю вас,
Тихие гости оврагов!

Холод и нега забвенья
Сердцу так сладки...
О, белые звезды...
Зачем же,
Ветер, зачем ты свеваешь,
Жгучий мучительный ветер,
С думы и черной и тяжкой,
Точно могильная насыпь,
Белые блестки мечты?..
В поле зачем их уносишь?

Если б заснуть,
Но не навеки,
Если б заснуть
Так, чтобы после проснуться,
Только под небом лазурным...
Новым, счастливым, любимым...

Мысль, вооруженная рифмами. изд.2е. Поэтическая антология по истории русского стиха. Составитель В.Е.Холшевников. Ленинград, Изд-во Ленинградского университета, 1967.

ПЕРВЫЙ ФОРТЕПЬЯННЫЙ СОНЕТ

Есть книга чудная, где с каждою страницей
Галлюцинации таинственно свиты:
Там полон старый сад луной и небылицей,
Там клен бумажные заворожил листы,

Там в очертаниях тревожной пустоты,
Упившись чарами луны зеленолицей,
Менады белою мятутся вереницей,
И десять реет их по клавишам мечты.

Но, изумрудами запястий залитая,
Меня волнует дев мучительная стая:
Кристально чистые так бешено горды.

И я порвать хочу серебряные звенья...
Но нет разлуки нам, ни мира, ни забвенья,
И режут сердце мне их узкие следы...

1904

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

СНЕГ

Полюбил бы я зиму,
Да обуза тяжка...
От нее даже дыму
Не уйти в облака.

Эта резанность линий,
Этот грузный полет,
Этот нищенский синий
И заплаканный лед!

Но люблю ослабелый
От заоблачных нег
То сверкающе белый,
То сиреневый снег...

И особенно талый,
Когда, выси открыв,
Он ложится усталый
На скользящий обрыв,

Точно стада в тумане
Непорочные сны
На томительной грани
Всесожженья весны.

[1909]

Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, «Полифакт», 1995.

КУЛАЧИШКА

Цвести средь немолчного ада
То грузных, то гулких шагов,
И стонущих блоков, и чада,
И стука бильярдных шаров.

Любиться, пока полосою
Кровавой не вспыхнул восток,
Часочек, покуда с косою
Не сладился белый платок.

Скормить Помыканьям и Злобам
И сердце, и силы дотла
Чтоб дочь за глазетовым гробом,
Горбатая, с зонтиком шла.

Ночь с 21 на 22 мая 1906, Грязовец

Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, «Полифакт», 1995.

ГАРМОННЫЕ ВЗДОХИ

Фруктовник. Догорающий костер среди туманной ночи под осень. Усохшая яблоня. Оборванец на деревяшке перебирает лады старой гармоники. В шалаше на соломе разложены яблоки.

.....

Под яблонькой, под вишнею
Всю ночь горят огни,
Бывало, выпьешь лишнее,
А только ни-ни-ни.

Под яблонькой кудрявою
Прощались мы с тобой,
С японскою державою
Предполагался бой.

С тех пор семь лет я плаваю,
На шапке «Громобой»,
А вы остались павою,
И хвост у вас трубой...

.....

Как получу, мол, пенцию,
В Артуре стану бой,
Не то, так в резиденцию
Закатимся с тобой...

.....

Зачем скосили с травушкой
Цветочек голубой?
А ты с худою славушкой
Ушедши за гульбой?

.....

Ой, яблонька, ой, грушенька,
Ой, сахарный миндаль,
Пропала наша душенька,
Да вышла нам медаль!

.....

На яблоне, на вишенке
Нет гусени числа...
Ты стала хуже нищенки
И вскоре померла.

Поела вместе с листвием
Та гусень белый цвет...

Хоть нам и всё единственно,
Конца японцу нет.

.....

Ой, реченька желты-пески,
Куплись в тебе другой...
А мы уж, значит, к выписке.
С простреленой ногой...

· · · · ·

Под яблонькой, под вишнею
Сиди да волком вой...
И рад бы выпить лишнее,
Да лих карман с дырой.

Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, «Полифакт», 1995.

ПЕТЕРБУРГ

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где вы и где мы,
Только знаю, что крепко мы слиты.

Сочинил ли нас царский указ?
Потопить ли нас шведы забыли?
Вместо сказки в прошедшем у нас
Только камни да страшные были.

Только камни нам дал чародей,
Да Неву буро-желтого цвета,
Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей до рассвета.

А что было у нас на земле,
Чем вознесся орел наш двуглавый,
В темных лаврах гигант на скале,
Завтра станет ребячьей забавой.

Уж на что был он грозен и смел,
Да скакун его бешеный выдал,
Царь змеи раздавить не сумел,
И прижатая стала наш идол.

Ни кремлей, ни чудес, ни святынь,
Ни миражей, ни слез, ни улыбки...
Только камни из мерзлых пустынь

Да сознанье проклятой ошибки.

Даже в мае, когда разлиты
Белой ночи над волнами тени,
Там не чары весенней мечты,
Там отрава бесплодных хотений.

Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-
Москва, «Полифакт», 1995.

СТАРЫЕ ЭСТОНКИ

(Из стихов кошмарной совести)

Если ночи тюремны и глухи,
Если сны паутинны и тонки,
Так и знай, что уж близко старухи,
Из-под Ревеля близко эстонки.

Вот вошли, — приседают так строго,
Не уйти мне от долгого плены,
Их одежда темна и убога,
И в котомке у каждой полено.

Знаю, завтра от тягостной жути
Буду сам на себя непохожим...
Сколько раз я просил их: «Забудьте...»
И читал их немое: «Не можем».

Как земля, эти лица не скажут,
Что в сердцах похоронено веры...
Не глядят на меня — только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый.

Но учтивы — столпились в сторонке...
Да не бойся: присядь на кровати...
Только тут не ошибка ль, эстонки?
Есть куда же меня виноватей.

Но пришли, так давайте калякать,
Не часы ж, не умеем мы тикать.
Может быть, вы хотели б поплакать?
Так тихонько, неслышно... похныкать?

Иль от ветру глаза ваши пухлы,
Точно почки берез на могилах...
Вы молчите, печальные куклы,
Сыновей ваших... я ж не казнил их...

Я, напротив, я очень жалел их,
Прочитав в сердобольных газетах,
Про себя я молился за смелых,
И священник был в ярких газетах.

Затрясли головами эстонки.
«Ты жалел их... На что ж твоя жалость,
Если пальцы руки твоей тонки,
И ни разу она не сжималась?

Спите крепко, палач с палачихой!
Улыбайтесь друг другу любовней!
Ты ж, о нежный, ты кроткий, ты тихий,
В целом мире тебя нет виновней!

Добродетель... Твою добродетель
Мы ослепли вязавши, а вяжем...
Погоди — вот накопится петель,
Так словечко придумаем, скажем...»

Сон всегда отпускался мне скupo,
И мои паутины так тонки...

Но как это печально... и глупо...
Неотвязные эти чухонки...

[1906]

Строфы века. Антология русской поэзии. Сост. Е.Евтушенко. Минск-Москва, «Полифакт», 1995.

КОНЕЦ ОСЕННЕЙ СКАЗКИ

Неустанно ночи длинной
Сказка черная лилась,
И багровый над долиной
Загорелся поздно глаз;

Видит: радуг паутина
Почернела, порвалась,
В малахиты только тина
Пышно так разубралась.

Видит: пар белесоватый
И ползет, и вьется ватой,
Да из черного куста
Там и сям сочатся грозди
И краснеют... точно гвозди^[1]
После снятого Христа.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ СВЕТ В АЛЛЕЕ

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском, ветку клена?

Ее пьянят зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листах раззолоченных,

А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...
О, не зови меня, не мучь!

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

СЕНТЯБРЬ [2]

Раззолочённые, но чахлые сады
С соблазном пурпурна медленных недугах,
И солнца поздний пыл в его коротких дугах,
Невластный вылиться в душистые плоды.

И желтый шелк ковров, и грубые следы,
И понятая ложь последнего свиданья,
И парков черные, бездонные пруды,
Давно готовые для спелого страданья...

Но сердцу чудится лишь красота утрат,
Лишь упоение в завороженной силе;
И тех, которые уж лотоса вкусили, [3]
Волнует вкрадчивый осенний аромат.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ЛИСТЫ^[4]

На белом небе всё тусклей
Златится горняя лампада,
И в доцветании аллей
Дрожат зигзаги листопада.

Кружатся нежные листы
И не хотят коснуться праха...
О, неужели это ты,
Всё то же наше чувство страха?

Иль над обманом бытия
Творца веленье не звучало,
И нет конца и нет начала
Тебе, тоскующее я?

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

СВЕЧКА ГАСНЕТ

В темном пламени свечи
Зароившись как живые,
Мигом гибнут огневые
Брызги в трепетной ночи,
Но с мольбою голубые
Долго теплятся лучи
В темном пламени свечи.

Эх, заснуть бы спозаранья,
Да страшат набеги сна,
Как безумного желанья
Тихий берег умиранья
Захлестнувшая волна.
Свечка гаснет. Ночь душна...
Эх, заснуть бы спозаранья...

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

В ОТКРЫТЫЕ ОКНА [5]

Бывает час в преддверье сна,
Когда беседа умолкает,
Нас тянет сердца глубина,
А голос собственный пугает,

И в нарастающей тени
Через отворенные окна,
Как жерла, светятся одни,
Свиваясь, рыжие волокна.

Не Скуки ль там Циклоп залег,
От золотого зноя хмелен,
Что, розовея, уголек
В закрытый глаз его нацелен?

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ПОЭЗИЯ

Над высью пламенной Синая
Любить туман Ее лучей,
Молиться Ей, Ее не зная,
Тем безнадежно горячей,

Но из лазури фимиама,
От лилий праздного венца,
Бежать... презрев гордыню храма
И славословие жреца,

Чтоб в океане мутных далей,
В безумном чаянии святынь,
Искать следов Ее сандалий
Между заносами пустынь.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

8[6]

Девиз Таинственной похож
На опрокинутое 8:
Она — отраднейшая ложь
Из всех, что мы в сознанье носим.

В кругу эмалевых минут^[7]
Ее свершаются обеты,
А в сумрак звездами блеснут
Иль ветром полночи пропеты.

Но где светил погасших лиц
Остановил для нас теченье,
Там Бесконечность — только миг,
Дробимый молнией мученья.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

У ГРОБА

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попонаю, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.

Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают еще часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.

В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ДВОЙНИК

Не я, и не он, и не ты,
И то же, что я, и не то же:
Так были мы где-то похожи,
Что наши смешались черты.

В сомненьи кипит еще спор,
Но, слиты незримой чекою,
Одной мы живем и мечтою,
Мечтою разлуки с тех пор.

Горячешный сон волновал
Обманом вторых очертаний,
Но чем я глядел неустанней,
Тем ярче себя ж узнавал.

Лишь полога ночи немой
Порой отразит колыханье
Мое и другое дыханье,
Бой сердца и мой и не мой...

И в мутном круженыи годин
Всё чаще вопрос меня мучит:
Когда наконец нас разлучат,
Каким же я буду один?

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

КОТОРЫЙ?

Когда на бессонное ложе
Рассыплются бреда цветы,
Какая отвага, о боже,
Какие победы мечты!..

Откинув докучную маску,
Не чувствуя уз бытия,
В какую волшебную сказку
Вольется свободное я!

Там всё, что на сердце годами
Пугливо таил я от всех,
Рассыплется ярко звездами,
Прорвется, как дерзостный смех.

Там в дымных топазах запястий
Так тихо мне Ночь говорит;
Нездешней мучительной страсти
Огнем она черным горит...

Но я... безучастен пред нею
И нем, и недвижим лежу...

.....
На сердце ее я, бледнея,
За розовой раной слежу,

За розовой раной тумана,
И пьяный от призраков взор
Читает там дерзость обмана

И сдавшейся мысли позор.

· · · · ·

О царь Недоступного Света,
Отец моего бытия,
Открой же хоть сердцу поэта,
Которое создал ты я.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

НА ПОРОГЕ

(Тринадцать строк)

Дыханье дав моим устам,
Она на факел свой дохнула,
И целый мир на Здесь и Там
В тот миг безумья разомкнула,
Ушла, — и холодом пахнуло
По древожизненным листам.

С тех пор Незримая, года
Мои сжигая без следа,
Желанье жить всё жарче будит,
Но нас никто и никогда
Не примирит и не рассудит,
И верю: вновь за мной когда
Она придет — меня не будет.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ИДЕАЛ

Тупые звуки вспышек газа
Над мертвой яркостью голов,
И скуки черная зараза
От покидаемых столов,

И там, среди зеленолицых,
Тоску привычки затая,
Решать на выцветших страницах
Постылый ребус бытия.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

МАЙ [8]

Так нежно небо зацвело,
А майский день уж тихо тает,
И только тусклое стекло
Пожаром запада блистает.

К нему прильнув из полутимы,
В минутном млеет позлащенъи
Тот мир, которым были мы...
Иль будем, в вечном превращеньи?

И разлучить не можешь глаз
Ты с пыльно-зыбкой позолотой,
Но в гамму вечера влилась
Она тоскующею нотой

Над миром, что, златим огнем,
Сейчас умрет, не понимая,
Что счастье искрилось не в нем,
А в золотом обмане мая,

Что безвозвратно синева,
Его златившая, поблекла...
Что только зарево едва
Коробит розовые стекла.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

СОНЕТ [9]

Когда весь день свои костры
Июль палит над рожью спелой,
Не свежий лес с своей капеллой,
Нас тешат: демонской игры

За тучей разом потемнелой
Раскатно-гулкие шары;
И то оранжевый, то белый
Лишь миг живущие миры;

И цвета старого червонца
Пары сгоняющее солнце
С небес омыто-голубых.

И для ожившего дыханья
Возможность пить благоуханья
Из чаши ливней золотых.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

* * *

Палимая огнем недвижного светила,
Проклятый свой урок отлязгала кирьга^[10]
И спящих грабаров^[11] с землею сколотила,
Как ливень черные, осенние стога.

Каких-то диких сил последнее решенье,
Луча отвесного неслышный людям зов,
И абрис ног худых меж чадного смешенья
Всклокоченных бород и рваных картузов.

Не страшно ль иногда становится на свете?
Не хочется ль бежать, укрыться поскорей?
Подумай: на руках у матерей
Всё это были розовые дети.

1900

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ХРИЗАНТЕМА

Облака плывут так низко,
Но в тумане всё нежней
Пламя пурпурного диска
Без лучей и без теней.

Тихо траурные кони
Подвигают яркий гнет,
Что-то чуткое в короне
То померкнет, то блеснет...

...Это было поздним летом
Меж ракит и на песке,
Перед бледно-желтым цветом
В увядающем венке,

И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...

И что два ее свитые
Лепестка на сходнях дорог
Это кольца золотые
Ею сброшенных серег.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

НОЯБРЬ [12]

Сонет

Как тускло пурпурное пламя,
Как мертвы желтые утра!
Как сеть ветвей в оконной раме
Всё та же сегодня, что вчера...

Одна утеша, что местами
Налет белил и серебра
Мягчит пушистыми чертами
Работу тонкую пера...

В тумане солнце, как в неволе...
Скорей бы сани, сумрак, поле, [13]
Следить круженье облаков,

Да, упиваясь медным свистом,
В безбрежной зыбкости снегов
Скользить по линиям волнистым.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ВЕТЕР

Люблю его, когда, сердит,
Он поле ржи задернет флёром
Иль нежным лётом бороздит
Волну по розовым озерам;

Когда грозит он кораблю
И паруса свивает в жгутья;
И шум зеленый я люблю,
И облаков люблю лоскутья...

Но мне милей в глухи садов
Тот ветер теплый и игривый,
Что хлещет жгучею крапивой
По шапкам розовым дедов.[\[14\]](#)

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

НЕНУЖНЫЕ СТРОФЫ [15]

Сонет

Нет, не жемчужины, рожденные страданьем,
Из жерла черного металла глубина:
Тем до рожденья их отверженным созданьям
Мне одному, увы! известна лишь цена...

Как чахлая листва, пестрима увяданьем
И безнадежностью небес позлащена,
Они полны еще неясным ожиданьем,
Но погребальная свеча уж зажжена.

Без лиц и без речей разыгранная драма:
Огонь под розами мучительно храним,
И светозарный бог из черной ниши храма...

Он улыбается, он руки тянет к ним.
И дети бледные Сомненья и Тревоги
Идут к нему приять пурпуровые тоги. [16]

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

В ДОРОГЕ [17]

Перестал холодный дождь,[\[18\]](#)
Сизый пар по небу вьется,
Но на пятна нив и рощ
Точно блеск молочный льется.

В этом чаянни утра
И предчувствии мороза
Как у черного костра
Мертвы линии обоза!

Жеребячий дробный бег,
Пробы первых свистов птичьих
И кошмары снов мужичьих
Под рогожами телег.

Тошно сердцу моему
От одних намеков шума:
Всё бы молча в полутьму
Уводила думу дума.

Не сошла и тень с земли,
Уж в дыму овины тонут,
И с бадьями журавли,
Выпрямляясь, тихо стонут.

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!

Наша совесть... Наша совесть...

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ПЕРЕД ЗАКАТОМ

Гаснет небо голубое,
На губах застыло слово;
Каждым нервом жду отбоя
Тихой музыки былого.

Но помедли, день, врачуя
Это сердце от разлада!
Всё глазами взять хочу я
Из темнеющего сада...

Щетку желтую газона,
На гряде цветок забытый,
Разоренного балкона
Остов, зеленью увитый.

Топора обиды злые,
Всё, чего уже не стало...
Чтобы сердце, сны былые
Узнавая, трепетало...

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ПОД НОВОЙ КРЫШЕЙ

Сквозь листву просвет оконный
Синью жгучею залит,
И тихонько ветер сонный
Волоса мне шевелит...

Не доделан новый кокон,
Точно трудные стихи:
Ни дверей, ни даже окон
Нет у пасынка стихий,

Но зато по клетям сруба
В темной зелени садов
Сапожищи жизни грубо
Не оставили следов,

И жилец докучным шумом
Мшистых стен не осквернил:
Хорошо здесь тихим думам
Литься в капельки чернил.

.....

Схоронили пепелище
Лунной ночью в забытье...
Здравствуй, правнуков жилище,
И мое, и не мое!

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ТРАКТИР ЖИЗНИ

Вокруг белеющей Психеи
Те же фикусы торчат,
Те же грустные лакеи,
Тот же гам и тот же чад...

Муть вина, нагие кости,
Пепел стынущих сигар,
На губах — отрава злости,
В сердце — скуки перегар...

Ночь давно снега одела,
Но уйти ты не спешишь;
Как в кошмаре, то и дело:
«Алкоголь или гашиш?»

А в сенях, поди, не жарко:
Там, поднявши воротник,
У плывущего огарка
Счеты сводит гробовщик.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ТАМ

Ровно в полночь гонг унылый
Свел их тени в черной зале,
Где белел Эрот бескрылый
Меж искусственных азалий.

Там, качаясь, лампады
Пламя трепетное лили,
Душным ладаном услады
Там кадили чаши лилий.

Тварь единая живая
Там тянула к брашну жало,
Там отрава огневая
В клубки медные бежала.

На оскала смех застылый
Тени ночи наползали,
Бесконечный и унылый
Длился ужин в черной зале.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ПОЭЗИЯ

Пусть для ваших открытых сердец
До сих пор это — светлая фея
С упоительной лирой Орфея,
Для меня это — старый мудрец.

По лицу его тяжко проходит
Бороздой Вековая Мечта,
И для мира немые уста
Только бледной улыбкой поводит.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ЕЩЕ ОДИН

И пылок был, и грозен День,
И в знамя верил голубое,[19]
Но ночь пришла, и нежно тень
Берет усталого без боя.

Как мало их! Еще один
В лучах слабеющей Надежды
Уходит гордый паладин:
От золотой его одежды

Осталась бурая кайма,
Да горький чад... воспоминанья...

.....
Как обгорелого письма
Неповторимое признанье.

[1903]

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

С ЧЕТЫРЕХ СТОРОН ЧАШИ

Нежным баловнем мамаши
То большиться, то шалить...
И рассеянно из чаши
Пену пить, а влагу лить...

Сил и дней гордясь избытком,
Мимоходом, на лету
Хмельно-розовым напитком
Усыплять свою мечту.

Увидав, что невозможно
Ни вернуться, ни забыть...
Пить поспешно, пить тревожно,
Рядом с сыном, может быть,

Под наплывом лет согнуться,
Но, забыв и вкус вина...
По привычке всё тянуться
К чаше, выпитой до дна.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

VILLA NAZIONALE [20]

Смычка заслушавшись, тоскливо
Волна горит, а луч померк,
И в тени душные залива
Вот-вот ворвется фейерверк.

Но в мутном чаяни испуга,
В истоме прерванного сна,
Не угадать Царице юга
Тот миг шальной, когда она

Развяжет, разоймет, расщиплет
Золотоцветный свой букет
И звезды робкие рассыплет
Огнями дерзкими ракет.

[1890]

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ОПЯТЬ В ДОРОГЕ [21]

Когда высоко под дугою
Звенело солнце для меня,
Я жил унылою мечтою,
Минуты светлые гоня...

Они пугливо отлетали,
Но вот прибился мой звонок:
И где же вы, златые дали?
В тумане — юг, погас восток...

А там стена, к закату ближе,
Такая страшная на взгляд...
Она всё выше... Мы всё ниже...
«Постой-ка, дядя!» — «Не велят».

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

НА ВОДЕ [22]

То луга ли, скажи, облака ли, вода ль
Околдovана желтой луною:
Серебристая гладь, серебристая даль
Надо мной, предо мною, за мною...

Ни о чем не жалеть... Ничего не желать...
Только б маска колдуны светилась
Да клубком ее сказка катилась
В серебристую даль, на сребристую гладь.

1900

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

УТРО

Эта ночь бесконечна была,
Я не смел, я боялся уснуть:
Два мучительно-черных крыла
Тяжело мне ложились на грудь.

На призывы ж тех крыльев в ответ
Трепетал, замирая, птенец,
И не знал я, придет ли рассвет
Или это уж полный конец...

О, смелее... Кошмар позади,
Его страшное царство прошло;
Вещих птиц на груди и в груди
Отшумело до завтра крыло...

Облака еще плачут, гудя,
Но светлеет и нехотя тень,
И банальный, за сетью дождя,
Улыбнувшись попробовал День.

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ВАНЬКА-КЛЮЧНИК В ТЮРЬМЕ[**\[23\]**](#)

Крутясь-мутаясь да сбились
Желты пески с волной,
Часочек мы любилися,
Да с мужнею женой.

Ой, цветики садовые,
Да некому полить!
Ой, прянички медовые!
Да с кем же вас делить?

А уж на что уважены:
Проси — не улечу,
У стеночки посажены,
Да не плечо к плечу.

Цепочечку позванивать
Продели у ноги,
Позванивать, подманивать:
«А ну-тка, убеги!»

А мимо птицей мычется
Злодей — моя тоска...
Такая-то добытчица,
Да не найти крюка?!

Иннокентий Анненский. Стихотворения и трагедии. Сер.: Библиотека поэта. Большая серия. Ленинград: Советский писатель, 1990.

ДЕКОРАЦИЯ

Это — лунная ночь невозможного сна,
Так уныла, желта и больна
В облаках театральных луна,
Свет полос запыленно-зеленых
На бумажных колеблется кленах.

Это — лунная ночь невозможной мечты.
Но недвижны и странны черты:
— Это маска твоя или ты?
Вот чуть-чуть шевельнулись ресницы...
Дальше... вырваны дальне страницы. [24]

notes

Примечания

1

Вариант ст. 13: «Нагло-красны... точно гвозди.»

2

По автографу под загл. «Осень».

3

И тех, которые уж лотоса вкусили — по верованиям древних греков, цветок лотоса заставлял забыть о прошлом и даровал блаженство.

4

Авторское название — Листопад.

5

По автографу под загл. «Летним вечером», с зачеркнутым загл.
«Огонек папиросы».

6

В качестве загл. — математический знак бесконечности.

7

В кругу эмалевых минут — Имеется в виду эмалевый циферблат часов.

8

По автографу под загл. «Стекло» с зачеркнутым загл. «Летний вечер».

9

По автографу под загл. «Июльский сонет».

10

Киръга (обл.) — кирка.

11

Грабары (обл.) — землекопы.

12

По автографу под загл. «Зимний сонет».

13

Вариация в ст. 9-10: «Как тяжела зимы неволя. Скорей бы сумерки да в поле.»

14

Дед, деды — репейник, чертополох.

15

По автографу под загл. «Экран», с зачеркнутым загл. «У камина».

16

Пурпуровые тоги — торжественное одеяние консулов в Древнем Риме, здесь — атрибут славы.

17

По автографу под загл. «На рассвете», с зачеркнутым загл. «Когда закроешь глаза».

Вар. ст. 1: «Рассветает. Будет дождь.»

19

Вар. ст. 2: «И знамя нес он голубое».

20

Villa Nazionale — парк в Неаполе. Упоминается в одной из записных книжек поэта во время путешествия по Италии.

21

По автографу под загл. «За Пушкиным», означающим общность мотива со стихотворением Пушкина «Телега жизни».

22

Один из набросков стихотворения — на служебном бланке «Директор Императорской Николаевской гимназии. Царское Село».

23

По автографу под загл. «Из песен Ваньки-Каина». Написано на распространенный в русском фольклоре сюжет о любви княгини и ее ключника и трагической гибели обоих.

Ванька-Кайн — Иван Осипов, по прозвищу каин, р. в 1718 г., вор и разбойник; устроился на службу «доносителем» в московском сыскном приказе, изобличен в преступлениях и отправлен на каторгу в 1755 г.; в фольклоре ему приписываются популярные в народе песни.

24

Вариант последней строки: «Дальше вырваны в пьесе страницы».